

Вернувшись вечером домой и отперев дверь, Цин Шу впервые за долгое время увидел на пороге поджидавшего его огромного змея.

Но сегодня тот отличался от себя прежнего: в пасти чешуйчатый держал пару домашних тапочек. Едва человек переступил порог, змей с пренебрежительно-величественным видом сронил их прямо к его ногам... Цин Шу на мгновение опешил и не решился сделать шаг. По степени жути происходящее ничуть не уступало тому случаю, когда он впервые увидел длинную тушу, вытянувшуюся поперек прихожей. В прошлый раз накатила давящая угроза, а сейчас — какое-то невнятное, тревожное смятение.

«Шэшэ, ты что творишь?!»

«Опомнись! Ты не пушистый пёс, ты же змей!»

Нагнувшись, Цин Шу поднял тапочки, переобулся и одновременно настороженно следил за каждым движением пресмыкающегося.

Похоже, у гада имелись тайные мотивы. Наступить на горло собственной змеиной гордости и так бесстыдно выслуживаться... Неужели рассчитывает на дополнительный ужин?..

«Впрочем, почему бы и нет?»

Окинув взглядом вившегося у ног змея, Цин Шу наклонился и пару раз сжал его упитанное туловище.

Понять, похудел тот или раздобрел, не удалось. Но если верить законам животного мира, партнера стоит выбирать покрупнее: упитанность означает крепкое здоровье и низкие шансы скоростижно отдать концы.

Выходит, хорошая упитанность для змея — плюс. В будущем это поможет не только найти пару, но и выжить... Вот только сможет ли чешуйчатый получать мясо каждый день в новой семье? Насколько надежен тот приятель соседа? Не сдаст же он гиганта в цирк?

На кухне Цин Шу случайно уронил палочки для еды. Пока он поднимал и мыл их, змей выскользнул в коридор, тут же вернулся и аккуратно положил на пол принесенную в пасти миску.

Цин Шу смерил рептилию взглядом и молча выключил конфорку на плите.

Присев перед гигантом, он обхватил ладонями его массивную голову и медленно приблизил к себе, будто желая разглядеть получше.

Золотистые глаза с вертикальными зрачками были завораживающе красивы. Пусть чаще всего они казались холодными и отстраненными, Цин Шу знал: этому гаду нравится общество человека. Стоило пройти мимо, как змей — неважно, смотрел ли он до этого телевизор или грелся на солнышке — начинает исподтишка следить за каждым шагом, надеясь, что человек подошел поиграть с ним.

Если же Цин Шу проходил мимо по делам, то стоит закончить и обернуться — позади уже беззвучно вытянулся длинный «хвост».

— Говорят, животные всё чувствуют... — Цин Шу прижался лбом к гладкой чешуйчатой голове. В его голосе зазвучала печаль, которую он сам едва ли осознавал. — Ты сегодня такой послушный, липнешь ко мне... Чуешь, что скоро уйдёшь, и пришёл попрощаться?

Змей широко распахнул глаза, золотистая радужка мгновенно утонула в расширившихся зрачках.

«Человек! Ты сдурел?! Кто тебе сказал, что я ухожу?! Я изо всех сил стараюсь, чтобы ты меня купил! Тебе ведь только небольшого толчка не хватало, мы же во сне обо всём договорились!»

Но человек не слышал его мыслей, полностью погрузившись в тоску неизбежного расставания.

От такой непрошибаемости змей едва не взвыл от безысходности.

Он ткнулся мордой в плечо Цин Шу, словно протестуя:

«Человек, не уберусь я никуда! Я всё ещё жду, когда ты купишь мне мяса!»

Заметив, что человек снова обратил на него внимание, змей цапнул себя за кончик хвоста и принялся демонстрировать свежесвоенный трюк:

«Человек, глянь, какой из меня ровный круг!»

Цин Шу не выдержал и, несмотря на всю печаль, прыснул от смеха.

Корявое «кольцо» выглядело далеко не идеальным. Но этот глуповатый вид и изо всех сил старающаяся рассмешить человека морда не могли не вызвать улыбку.

Он обнял змея за выгнутую дугой шею, пока тот все еще сжимал в пасти собственный хвост, и ощутил, каково это — держать гигантскую рептилию «от головы до кончика хвоста».

Цин Шу прекрасно понимал: если отбросить внешние обстоятельства и прислушаться к

собственным желаниям, он изо всех сил хочет оставить этого змея себе...

Точно так же, как оборванный ребенок, проходя мимо сверкающей витрины, замирает перед новейшей заводной игрушкой в блестящем металлическом корпусе.

Разумеется, малыш мечтает о ней. Вот только у него нет денег даже на малейшую безделушку. Можно подождать, пока вещь устареет, годами копить медяк за медяком... Но жизнь слишком непредсказуема: ему нужно питаться, он может заболеть или внезапно лишиться заработка.

Приходится беречь скудные средства для того, без чего действительно не выжить.

В реальности всё было не настолько беспросветно, но воспоминания о том, каково быть «тем самым ребенком», слишком въелись в память Цин Шу.

У него никогда не было надёжного тыла, а будущее терялось в тумане. Каждый шаг давался с трудом и требовал всех сил. И лучшим выходом оставалось поступать так же, как с игрушкой за стеклом: выкинуть из головы и упрямо идти дальше по своей неяркой тропе.

«Жизнь... это ведь постоянные встречи с теми, кто уйдёт, верно?»

Рассуждал он про себя, но руки самовольно сжали гибкое туловище ещё сильнее.

«Человек...» — змей бесшумно оскалился, и хвост выскользнул из его пасти. Он понятия не имел, о чём тот тоскует, однако этот двуногий... Пусть временно и забыл о произошедшем во сне, тело его оказалось весьма откровенным.

Обвив хвостом талию Цин Шу, гигант воспроизвёл сцену из сна. Подражая героям дорам, он принялся гибким кончиком ритмично похлопывать человека по спине, свято веря, что людям подобная ласка безумно нравится.

— Шэшэ... — от ощутимых ударов голос Цин Шу задрожал. — Постой, хватит... Не надо похлопывать меня по спине...

Он понимал, что змей действует из лучших побуждений и пытается его утешить, но с такой заботой недолго и в больницу с отбитыми внутренностями угодить.

Перед сном произошёл ещё один курьёз. Обычно Цин Шу устраивал змея на ночь, а после ужина оставлял в покое — пусть сам смотрит телевизор в гостиной.

Но в этот раз чешуйчатый не просидел у экрана и получаса: выключил ТВ и неторопливо втянул свое длинное тело в спальню человека, явно намереваясь остаться.

— И что ты задумал? — спросил Цин Шу, стеля постель.

Он бросил взгляд на рептилию. Очевидно, той надоела гостиная, и она вознамерилась провести ночь здесь, но удержаться от легкого подтрунивания человек не смог.

Змей мелькнул языком и воздел голову, собираясь взобраться на матрас, однако его лоб тут же упёрся в ладонь человека.

— А вот это уж точно лишнее. Ты же знаешь, я до смерти боюсь змей, — пояснил Цин Шу. — Пока я в сознании, всё в порядке: я понимаю, что это ты, а не дикая тварь, и ты меня не тронешь. Но стоит мне проснуться среди ночи спросонья, я не смогу сообразить, кто передо мной, и устрою панику.

Выслушав эту сбивчивую тираду, змей опешил. Золотые глаза застыли в немом изумлении. По его мнению, человек занимался откровенной ересью и капризничал на пустом месте.

«Ну ничего себе! И целовался со мной, и обнимался, а в постель пускать отказывается?! Постой-ка...» — зрачки змея сузились в тончайшие иголки.

«Разве станет человек целовать и тискать тварь, которой смертельно боится?! Да ещё и обнимать дважды за вечер! Судя по тому, как он вошёл во вкус, впереди третья попытка, четвёртая...»

В то же мгновение до рептилии дошла истинная суть вещей.

«Хех... Ну и ну, двуногий...»

Оставив попытки залезть на матрас, змей свернулся кольцами прямо на пушистых тапочках Цин Шу и принялся вальяжно разглядывать его. В золотистом взгляде вспыхнули лукавство, затаенная властность и нескрываемое желание подчинить.

«Фырк, едва не провел меня! "Боюсь змей", как же! Просто смущается от мысли о том, чтобы спать в одной постели...»

«Упрямый, неискренний человек. Впрочем, я вовсе не из тех, кто берет силой. Хе-хе, ничего, настанет день, когда ты сам с радостью сдвинешь одеяло!»

Ладно, сегодня так и быть, переночует на тапочках.

<http://bllate.org/book/19679/1946794>